

А. Н. Рылева

Разговор Я-исследователя и Я-обывателя о некоторых особенностях исторического познания¹

Аннотация: автор статьи задается вопросом, каким образом формируется историческое сознание (формируется ли оно под влиянием истории или представления о ней) и исследует, что повлияло на формирование «польского» исторического сознания самого автора.

Ключевые слова: история, познание, нарратив, культура, Польша, Россия, обыденное сознание, ученое сознание, надындивидуальная память, уникальная память, ментальность, маркеры польского.

Вряд ли обыватель часто задает себе такие вопросы: как соотносится моя конкретная жизнь с Польшей; соотносится ли вообще; влияют ли мои польские воспоминания на меня нынешнюю; в каких случаях уникальная память моего Я становится надындивидуальной? Исследователь же в момент работы с материалом скорее всего их задает. А если исследовательское и обывательское Я совмещены в одном лице? Как утверждает Славомир Поповский, ссылаясь на серьезные социологические исследования, «польские представления о России и русских формируются прежде всего под влиянием истории, особенно новейшей»². Мы не можем подвергнуть сомнению результаты исследования, но можем усомниться в изначальном тезисе: «представления формируются историей». В самом деле — как они формируются? Пожалуй, любой здравомыслящий исследователь-культуролог или историк стремится ответить на этот вопрос. Попробуем и мы.

Мне довелось исследовать памятники Великой Отечественной войны в соавторстве с моей коллегой. Потрясением для нас являлось то, что о них *все знали*, но *персонально* не могли указать место

их нахождения. Более того, не могли узнать, когда смотрели прямо на памятник. В чем здесь проблема? Это обстоятельство отмечают и современные исследователи «русских следов» в Польше. Мацей Новак, ссылаясь на П. Пашкевича, одного из первых польских исследователей, занявшихся русским искусством Варшавы, отмечает, что русскую старину и ее памятники не замечают, не включают в путеводители, пренебрегают ими, однако это — существенная часть варшавского колорита³. Узнается ли «русское» в Петропавловской церкви или храме преподобного Мартинаана, Александровском университете и многих других сооружениях? Только ли дело в желании подкраивать свое прошлое под националистически-патриотические мифы?

Л. Сараскина думает, что дело в различии ментальностей: когда говорим одни и те же слова, приписываем им различные значения. Ей вторит В. Дорофеев, уверенный, что нас разделяют различия понятийных систем.

Возможно и так. А возможно прав был Э. Фромм, говоря, что маленький человек (задавленный конкуренцией лавочник, замученный начальством чиновник, отчаявшийся устроиться безработный), растерянный перед лицом непонятной и враждебной ему реальности, озлобляется. И что же ему остается делать дальше? Только одно — искать самооправдание.

Оправданны ли вообще разного рода сравнения ментальностей в духе «у нас много/мало обще-

¹ Статья написана по материалам доклада, сделанного на Международной научной конференции «Польша и Россия. Трудные вопросы — три нарратива (история, литература, кино)», проходившей с 5 по 8 октября 2010 г. в Кракове (Республика Польша). Доклад был принят слушателями, активно обсуждался, но в польском сборнике статья так и не была напечатана. Означает ли это намеренное и политизированное предпочтение историков заниматься конъюнктурными «трудными вопросами», несмотря на то что сама жизнь указывает на позитивные изменения?

² Поповский С. Польский гонор и русская душа // Новая Польша. 2003. № 3. <http://www.novopol.ru/index.php?id=176>. [Электронный документ]. 23.01.2012.

³ Новак М. Московская Варшава. Сколько российских следов осталось в польской столице? // Новая Польша. 2008. № 11. <http://www.novopol.ru/index.php?id=1067>. [Электронный документ]. 23.01.2012.

го», которыми, кажется, только и занимались на конференции «Польша и Россия. Трудные вопросы – три нарратива (история, литература, кино)? А что собственно у нас общего на самом деле? Как отмечал Н. С. Трубецкой, «славянский характер» или «славянская психика» – мифы⁴. Не существует и «славянской культуры», ибо каждый славянский народ вырабатывает свою культуру отдельно и культурные влияния одних славян на других не сильнее влияния немцев или турков на тех же славян. Кстати, Трубецкой же отмечает огромное влияние польского языка на западнорусский светско-деловой язык. И решающим в данном процессе оказался переполненный полонизмами западнорусский язык XVII в.

Но как конкретно происходит влияние? Предлагаю реконструировать одно вполне обычное сознание, порождение 1960-х гг. Предполагаю, что в силу своей обычности это сознание не является для массы таких же сознаний уникальным. Речь идет об авторе этой статьи, который родился в 1962 г. в обычной московской семье, рос, смотря телевизор и слушая радио, т. е. массмедиа играли значительную роль в его воспитании. В семье имелись также проигрыватель и пластинки к нему. Начну по порядку вхождения «польского» в мое сознание. Исследовательская его часть может констатировать, что в нем были сформированы своего рода «польские блоки», которые условно мы назовем «волшебный голос», «гордая полячка», «может быть», «четыре поляка и собака», «краковская колбаса». С некоторым удивлением мы поняли, что они и сейчас влияют на *меня-в-разных-лицах* определенным образом. Попробуем разобраться, каким.

Для московского ребенка образ, который уже значительно позже был осмыслен и обозначен как образ «гордой полячки», начинается вовсе не с пушкинской *гордой полячки* и уж тем более не с разнообразных исследований по этому поводу, а со слов песни «Ах, пане, панове» в исполнении Гелены Великановой (автор стихотворных строк Агнешка Осецкая, перевод Булата Окуджавы.) Просто родители любили слушать ее записи на пластинках. Уже значительно позже выяснилось, что это песня к спектаклю «Вкус черешни» (1969), поставленному в театре «Современник». Потом в мою жизнь вошли волшебные, каждая со своей неповторимой интонацией и тембром, голоса Анны Герман и Эдиты Пьехи. И уже только лишь потом я узнала про «полячку гордую» – Марину Мнишек – в «исполнении» Александра Пушкина. Тогда я не

знала еще, что Марина Цветаева гордилась своими польскими корнями и именем, которое носила, что в художественной литературе образ существовал в двух основных вариантах: демоническом, начиная с Марины Мнишек в драме Державина «Пожарский», и лирическом – Мария Потоцкая в «Бахчисарайском фонтане» А. С. Пушкина. Не знала, сколько всего написано о красоте и обольстительности польских женщин, хотя их характер варьировался от бескорыстно преданной Марии Валевской до кокетливой Каролины Собаньской.

Образ прекрасной польки входил в мое сознание и через юмористическую передачу «Кабачок 13 стульев», действие которой происходило в польском ресторанчике (режиссер М. П. Карцов). Моя семья собиралась вечером в воскресенье у телевизора, смотрела передачу, слушала песни, мама отмечала, в какие наряды одеты пани Катарина или пани Зося, и я, конечно, была рядом. Кабачок «13 стульев» – юмористическая передача советского телевидения. Первым режиссером передачи был Георгий Васильевич Зелинский. Завсегдатаи кабачка (пан Директор, пан Вотруба, пан Зюзя, пан Спортсмен, пани Моника, пан Профессор, пани Катарина, пани Зося и другие), которых играли в основном артисты Театра сатиры, вели смешные диалоги и «пели» под фонограмму песни исполнителей социалистических стран. Выходила передача в эфир с 1966 по 1981 г. (всего 150 серий; съемки прекращены летом 1981 г. после обострения политической обстановки в Польше). Так в мое сознание входил образ польки с узнаваемым русским лицом: пьющей кофе, курящей сигаретку, остроумной, находчивой, веселой. Поэтому для меня в более старшем возрасте оказалось совершенно естественным и обратное, что Варвара Лаврецкая из фильма Андрона Кончаловского «Дворянское гнездо» (поставлен в 1968 г. по мотивам повести И. С. Тургенева) имеет лицо Беаты Тышкевич, Барбара Брыльска вошла в мое сознание под именем Нади Шевелевой («С легким паром» Э. Рязанова), Эва Шиккульска прочно ассоциируется с именем Полины Гебль, возлюбленной поручика Анненкова («Звезда пленительного счастья» Владимира Мотыля), как, впрочем, и Апполинии Сусловой, большой любви Федора Достоевского в фильме «26 дней из жизни Достоевского» режиссера А. Зархи.

Смело могу сказать, что образ «гордой полячки» преобразился в вышеназванные образы, странно смешавшись и уложившись в моем сознании в виде своего рода двуликого Януса, когда одно оборачивается другим.

Добавлю к этому и волшебный аромат духов «Может быть», стоявших в шкафчике моей мамы

⁴ Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре // Вопросы языкознания. М., 1990. № 2. С. 122–139.

вплоть до «перестройки». Когда ее не было дома, я подходила к шкафчику и нюхала их, наслаждаясь запахом. Этот запах *хвои и неизведанных возможностей* я и сейчас узнаю из тысячи других. Готовясь к конференции, попыталась узнать историю духов. Похоже, они связаны с именем Капитолины Андреевны Лазаренко, солистки Эстрадного оркестра под управлением Эдди Рознера, который специально для нее написал песенку «*Может быть*», песня стала популярной у поляков, те выпустили духи, которые, в свою очередь, мгновенно стали обожаемыми в Советском Союзе. В моем сознании прочно поселилась ассоциация этого запаха с моей мамой, Польшей и польским.

Невозможно здесь не вспомнить знаменитый советский магазин «Польская мода» на юго-западе Москвы, около которого прошла часть моей уже более осознанной жизни. Магазин, олицетворявший свободу для многих женщин, стоявших в огромных очередях, чтобы попасть внутрь, насладиться мечтой, насмотреться на яркие и оригинальные модели, даже не всегда их купив. Мое платье для школьного выпускного вечера было куплено именно там, в «Польской моде».

В складывании польских маячков в моем сознании, безусловно, огромную роль играл сериал «Четыре танкиста и собака» (в народе его называли «Три поляка, грузин и собака») — польский черно-белый телевизионный военно-приключенческий сериал, снятый по одноименной повести Януша Пшимановского. Премьера сериала состоялась в 1966 г., демонстрировался он до 1989 г. Имена героев навсегда остались в моей памяти: Янек, Густлик, Гжеся, Томаш, Ольгерд и, конечно, Шарик. А песню, которую исполняли вначале каждой серии, я и сейчас могу спеть:

*Луг цветы укфыли,
В небе ветерок...
Видим на войне мы
Мир сквозь пыль дорог...⁵*

Странным образом в моем сознании Шарик из «Четырех танкистов» приводит к другому Шарика, получившему после опытов профессора Филиппа Филипповича имя Полиграфа Полиграфовича. Этот пес из романа М. Булгакова «Собачье сердце» обожал краковскую колбасу. На эту-то колбасу, называвшуюся по имени великого города, его и поймал профессор. На вопрос, как ему удалось приманить такого нервного пса, Филипп Филиппович ответил: «Лаской-с. Единственным способом, который возможен в обращении с живым существом.

Террором ничего поделывать нельзя с животным, на какой бы ступени развития оно ни стояло. Это я утверждал, утверждаю и буду утверждать. Они напрасно думают, что террор им поможет. Нет-с, нет-с, не поможет, какой бы он ни был: белый, красный и даже коричневый! Террор совершенно парализует нервную систему». Отметим еще один маркер: колбаса, носящая имя Кракова, ассоциируется с лаской. (Кстати, с детства люблю жареную картошечку с колбасой. Так что вкусовая память тут тоже задействована.) Здесь, конечно, интересна сама история краковской колбасы, связанной с родом Колбаса, Иваном Грозным и Анастасом Микояном — родоначальником советского колбасного производства. Но это, возможно, станет сюжетом отдельной статьи.

Идея доброты перекидывает мостик и к следующему маркеру — письму Льва Толстого польской женщине, где он пишет в ответ на ее упрек, что писатель, выразив свое мнение о присоединении Боснии и Герцеговины, ничего не сказал о несправедливостях, которые совершаются над Польшей: «Освобождение всех поработанных людей, сословий, народов, в том числе и поляков, никак не в том, чтобы бороться с ненавистными русским, австрийским правительствами и силою освободиться от них, а в совершенно противоположном: в том, чтобы, перестав видеть в поляках своих исключительных, любимых, угнетенных братьев, признать всех людей, как своих поляков, так и чуждых и враждебных русских, немцев, одинаково близкими, братьями, с которыми, кто они ни были, недопустимы никакие иные отношения, кроме любовных, исключаяющих возможность совершения какого бы то ни было насилия против кого бы то ни было»⁶.

Наконец, последний маркер для этой статьи — повесть «Русский месяц» Дмитрия Стрельникова⁷. Главный герой повести — Петр Смирнов — влюбился в польку и попытался на ней жениться. Собственно, это и есть основа сюжета, состоящего из злоключений Петра при встрече с официальными заведениями и его наблюдений на фоне любовной истории. Петр признается: «Во время наших встреч... мы никогда не разговариваем о том, что нас объединяет и делит. Я имею в виду нас, русских и поляков, — меня, Макса, Стасю и Касю. Для нас ясно одно: все мы ужасно красивые и умные... Словесный поток националистической пропаганды не

⁵ Стихи Агнешки Осецкой, рифмованный перевод Леонида Лешата.

⁶ Толстой Л. Ответ польской женщине // Толстовский листок — Запрещенный Толстой. М., 1994. Вып. 5. http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0680.shtml. [Электронный документ]. 23.01.2012.

⁷ Strelnikoff D. Ruski miesiac. Warszawa: W.A.B. Publishers. 2008.

собьет нас с толку. Мы не слушаем тех, кто хочет нас поссорить, потому что это смешно. Не слушаем мы и тех, кто хочет нас сдружить, потому что это тоже смешно. Зато мы много смеемся». Кстати, эта книга написана по-польски, русский перевод мы пока не обнаружили (хорошо, если ошибаемся), а цитату даем по уже указанной публикации Мацея Новака, директора варшавского Театрального института имени Збигнева Рашевского в журнале «Новая Польша», который, как нам показалось, идет по пути не муссирования «трудных вопросов» и поиска различий в менталитетах, а помощи в отходе от стереотипов и более объективного взгляда на культуры Польши и России, что, безусловно, гораздо продуктивнее и честнее.

Какие выводы можно сделать?

В моем сознании «польское» присутствует и, безусловно, «работает».

«Польское» — это не только текст, но и голос, и лицо, и жест, и аромат, и вкус.

В мое сознание эти маркеры вошли в «золотое» время детства с помощью массмедиа и работают главным образом как детские воспоминания о «покинутом» рае.

Положительность маркеров «польского» в моем сознании не позволяет мне как исследователю сконцентрироваться на *трудных* вопросах, хотя о них мне, безусловно, известно, но они стирают противоречия, объявляя их недействительными.

Но зато мне-культурологу и историку они позволяют выяснить, почему я-исследователь стараюсь не замечать *трудностей*: для нас их просто не существует, а если и существуют, то это трудности где-то там, за пределами моего личного сознания.

В силу обыденности моего сознания, в силу того, что большинство моих сверстников росли на тех же телепередачах и песнях (по крайней мере, опрошенные мной одноклассники в количестве 15 человек согласны с моими выводами), получаем некоторую общую для поколения 1960-х гг. картину. Хотя это предположение, естественно, требует проверки.

Это, скорее всего, означает, что последующие поколения имеют *свои* маркеры «польского», а предыдущие — свои. И данное обстоятельство будет влиять на их профессиональную деятельность.

Ожидаю, что мое поколение историков, пишущих о «трудных» вопросах и честных по отношению к себе, по крайней мере, сосредоточатся на аспектах — не зла, например, а счастья. Соответственно, речь уже пойдет о своего рода «культурологии счастья» в русско-польских отношениях.

Полагаю, что примером такого рода изменения знаков может служить достойно-понимающее отношение шестидесятников, в полной мере несущих на себе бремя правления, например, к недавним трагическим событиям, потрясшим и Польшу, и Россию.

Список литературы:

1. Новак М. Московская Варшава. Сколько российских следов осталось в польской столице? // Новая Польша. 2008. № 11. <http://www.novopol.ru/index.php?id=1067>. [Электронный документ]. 23.01.2012.
2. Поповский С. Польский гонор и русская душа // Новая Польша. 2003. № 3. <http://www.novopol.ru/index.php?id=176>. [Электронный документ]. 23.01.2012.
3. Толстой Л. Ответ польской женщине // Толстовский листок – Запрещенный Толстой. М., 1994. Вып. 5. http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0680.shtml. [Электронный документ]. 23.01.2012.
4. Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре / Вопросы языкознания. М., 1990. № 2. С. 122—139.
5. Strelnikoff D. Ruski miesiac. Warszawa: W.A.B. Publishers, 2008.

Bibliography:

1. Novak M. Moskovskaya Varshava. Skol'ko rossiyskikh sledov ostalos' v pol'skoy stolitse? // Novaya Pol'sha. 2008. № 11. <http://www.novopol.ru/index.php?id=1067>. [Elektronnyy dokument]. 23.01.2012.
2. Popovskiy S. Pol'skiy gonor i russkaya dusha / Novaya Pol'sha. 2003. № 3. <http://www.novopol.ru/index.php?id=176>. [Elektronnyy dokument]. 23.01.2012.
3. Tolstoy L. Otvet pol'skoy zhenshchine // Tolstovskiy listok – Zapreshchennyy Tolstoy. M., 1994. Vyp. 5. http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0680.shtml. [Elektronnyy dokument]. 23.01.2012.
4. Trubetskoy N.S. Obshchieslavjanskiy element v russkoy kul'ture / Voprosy yazykoznanija. M., 1990. № 2. S. 122—139.
5. Strelnikoff D. Ruski miesiac. Warszawa: W.A.B. Publishers, 2008.